

UNITED WISDOM

Самообман и рационализация: как мы защищаем удобную версию

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I27 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Самообман и рационализация: как мы защищаем удобную версию

Эпиграф

«Человек легче верит тому, что предпочитает».

Фрэнсис Бэкон, «Новый Органон», I.49; собственный редакционный перевод короткого фрагмента из исторического английского издания.

О чём эта статья

В условном примере руководитель объясняет провал проекта слабой командой. Когда вспоминают о позднем изменении задания, он соглашается: да, задание менялось, но хорошие специалисты должны справляться. Возможно, команда действительно допустила ошибки. Однако удобство объяснения состоит в другом: при любом новом факте ответственность руководителя остаётся прежней — почти нулевой. Версия не просто описывает события; она заранее определяет, какую часть событий позволено учитывать.

Самообман не обязательно выглядит как сознательная ложь. Иногда человек искренне защищает объяснение, которое помогает сохранить привычный образ себя. Рационализацией мы здесь называем построение приемлемых доводов в пользу уже желательного решения. Это рабочее различение, а не диагноз. Статья предлагает исследовать объяснения по их связи с фактами, способностью изменяться и последствиями для выбора. Философская критика предубеждений, психологический обзор мотивированного рассуждения и религиозная самопроверка дают разные основания для этого разговора. Их сходство не отменяет расхождений, а обвинение в самообмане само нуждается в проверке.

I. Удобное объяснение может быть правдивым

Удобство не доказывает ложность. Если человек устал и поэтому отменяет встречу, объяснение может быть одновременно приятным и точным. Если условия работы действительно несправедливы, указать на них можно без обязательного поиска скрытого личного дефекта. Обратная ошибка — считать неприятное объяснение более глубоким только потому, что оно ранит. Ни комфорт, ни болезненность не являются самостоятельным критерием истины.

Проверка начинается с состава утверждения. «Я не сделал работу» описывает действие. «Потому что мне не дали времени» предлагает причину. «Любой на моём месте поступил бы так же» добавляет обобщение. «Поэтому от меня ничего не зависит» предлагает последствие для будущего выбора. Эти части часто произносятся одним предложением, но требуют разных оснований. Наблюдаемое действие ещё не подтверждает единственную причину, а реальная причина не всегда отменяет возможность следующего шага.

В условной сцене сотрудник получил задание поздно. Это можно проверить по переписке. Но из даты не следует, что он не мог уточнить объём, предупредить о сроке или отказаться от части работы. Одновременно нельзя утверждать, что он обязательно мог это сделать: условия и полномочия могли быть иными. Точность появляется не через требование признать вину, а через различение подтверждённого, предполагаемого и пока неизвестного.

Фрэнсис Бэкон в «Новом Органоне», I.46, рассматривает склонность уже принятой мысли подчинять себе последующие наблюдения. Это философский довод о познании природы, не современный эксперимент о нашей работе. Его редакционное применение ограничено: если версия не допускает факта, который мог бы её изменить, стоит проверить устройство самой версии. Это ещё не означает, что она обязательно неверна.

Полезно сохранять наиболее сильную форму своего объяснения. Если пересказывать его как нелепую отговорку, легко победить собственную карикатуру и ничего не узнать. Сначала сформулируйте, почему довод действительно кажется разумным, какую часть ситуации он объясняет и на какие сведения опирается. Только после этого проверяйте недостающую часть. Такой порядок позволяет отказаться от слабой версии без необходимости объявить прежнего себя глупым или нечестным.

II. Как желание попадает внутрь рассуждения

Мысль может служить одновременно поиску ответа и защите желательного исхода. Человек способен замечать реальные факты, строить логичные связи и при этом выбирать только те факты, которые сохраняют нужный вывод. Поэтому рационализация бывает убедительной. Она не обязана состоять из очевидной неправды. Иногда проблема находится в правилах отбора и в том, какие альтернативы вообще получили право появиться.

Психолог Зива Кунда в The Case for Motivated Reasoning, 1990, страницы 480–483, различает стремление к точному выводу и стремление к определённому желательному выводу. Это обзор исследовательских работ и предложенный механизм, а не один новый эксперимент. Он не позволяет по внешней уверенности установить мотив конкретного

собеседника. Существенная для статьи граница: желание не даёт человеку неограниченной свободы верить чему угодно; ему обычно нужны правдоподобные основания.

Представим покупку дорогого инструмента. До покупки человек обещал пользоваться им каждую неделю. После покупки оказалось, что инструмент слишком сложен. Теперь он рассказывает, что главная ценность — запас возможностей на будущее. Новый довод может быть справедливым. Проверке подлежит переход: была ли эта ценность важна заранее, какие действия её подтверждают, какие условия позволят когда-нибудь воспользоваться запасом? Если довод никогда не связывается со сроком или действием, он может лишь ограждать покупку от оценки.

При этом одинаковый переход может быть честным пересмотром. Мы узнаём о вещах после выбора больше, чем до него. Не вся новая причина — посмертное оправдание старой. Разница состоит в открытости: сохраняется ли первоначальное ожидание, признаётся ли его несбывшаяся часть, допускается ли решение продать инструмент или пользоваться им иначе? Объяснение становится надёжнее, когда новый смысл не стирает прежнюю проверяемую историю.

Желание полезно назвать отдельно от доказательства. «Мне хочется, чтобы покупка оказалась разумной» — честная информация о заинтересованности. Она не делает человека неспособным рассуждать. «Покупка разумна, потому что мне важно так считать» уже соединяет разные основания. В обычной жизни не требуется бесстрастие. Требуется возможность увидеть, где предпочтение участвует в выборе сведений, и не выдавать его само по себе за свидетельство.

III. Искренность и намерение не отменяют последствий

Человек может искренне хотеть помочь и всё же причинить неудобство. Может не хотеть обидеть и всё же произнести фразу, которую другой счёл унизительной. Из последствий нельзя автоматически вывести дурное намерение. Из хорошего намерения нельзя вывести отсутствие последствий. Когда эти два различения удерживаются одновременно, появляется возможность разговора без обязательного суда над человеческой сущностью.

В условном примере друг даёт непрошеный совет после трудного рассказа. Собеседник замолкает. Советчик объясняет: «Я хотел поддержать». Это может быть правдой. Но его намерение не отвечает на вопрос, какая поддержка была нужна. Полезный следующий шаг — уточнить, что произошло, и выслушать ответ. Если же намерение становится окончательным оправданием, неприятная реакция другого объявляется ошибкой ещё до

разговора. Тогда удобная версия защищает нашу роль доброго человека ценой исчезновения чужого опыта.

Существуют и обратные злоупотребления: любой неудобный результат объявляют доказательством виновности, даже когда у человека не было нужных сведений или возможностей. Поэтому ответственность полезно разделять. Что было известно заранее? Что можно было разумно предусмотреть? Что стало известно только потом? Какое действие доступно сейчас? Ответственность за исправление иногда возможна без признания того, что исходное действие было сознательно злым.

В «Исповеди», X.3–5, Августин размышляет об ограниченности человеческого знания себя перед Богом. Это христианская религиозная позиция о признании и благодати; она не равна психологической модели скрытых мотивов. Для нашей статьи допустимо узкое сопоставление: уверенность в собственном рассказе не исчерпывает вопрос о себе. Теологическое основание Августина остаётся его основанием, а не обязательным убеждением читателя.

Практическое различение можно выразить без исповедального нажима: «Я хотел одного, получилось другое; теперь мне известно больше». Оно сохраняет намерение, результат и возможность обновления. Не нужно выдумывать тайную злость ради честности. Но и благие намерения не должны стать документом, который запрещает учитывать всё остальное. Человеческое достоинство совместимо с признанием ограниченности, когда ошибка имеет конкретный масштаб и возможную работу, а не превращается в вечный приговор.

Особенно трудно признать последствие, когда прежнее решение дорого обошлось. Кажется, что пересмотр обесценит годы труда или заставит оправдываться перед людьми, которым мы обещали успех. Здесь полезно различить уже понесённую цену и будущую цену продолжения. Прошлые расходы не исчезнут от новой версии, но следующая трата всё ещё является отдельным решением. Например, организатор не обязан объявить весь образовательный проект бессмысленным, чтобы отменить неработающий модуль. Он может сохранить полезные части, честно назвать неудачу одной части и изменить договор с участниками. Такое решение сложнее красивого общего оправдания: оно требует конкретных действий и может вызывать досаду. Однако именно конкретность позволяет не уничтожать целое ради признания ошибки и не защищать целое ценой бесконечного повторения ошибочной части.

IV. Когда исключение спасает любую версию

У любого объяснения могут быть исключения. Мир сложнее одного правила, а событие иногда имеет несколько причин. Проблема возникает, если исключение каждый раз появляется только после неудобного факта и никогда не получает самостоятельной проверки. Тогда версия становится неуязвимой. Она объясняет успех собственными достоинствами, провал чужими недостатками, чужой успех случайностью, а чужой провал подтверждением правила. Всякая дорога ведёт к заранее назначенному ответу.

Представим человека, уверенного, что его идеи всегда отвергают из зависти. Одну идею приняли — он говорит, что это было исключение. Другую попросили уточнить — считает скрытым отказом. Третью приняли после правки — считает присвоением заслуг. В каждом событии действительно могут быть сложности. Но если объяснение остаётся тем же при противоположных результатах, возникает вопрос: какое наблюдение вообще изменило бы его? Без ответа нельзя сравнить эту версию с альтернативами.

Альтернатива не обязана быть приятнее или неприятнее. Идея могла быть недостаточно ясной, адресат мог не иметь ресурса, оценка могла быть предвзятой, способ передачи мог не подходить. Иногда несколько оснований действуют вместе. Разделить их помогает конкретика: кто что сказал, какой фрагмент обсуждали, какой критерий был назван, что изменилось после правки. Общая история о завистливом мире может скрывать именно те сведения, которые позволили бы улучшить действие или выбрать другую среду.

При этом вопрос о проверяемости не должен превращаться в требование одного решающего факта для каждой жизненной позиции. Доверие, любовь и религиозная вера устроены иначе, чем лабораторная гипотеза. Мы обсуждаем объяснения событий и оснований решения, а не устанавливаем универсальный стандарт всей человеческой жизни. Тем более нельзя требовать, чтобы человек опроверг рассказы о насилии или несправедливости одним удобным для слушателя тестом.

Бэконовская критика предпочтения подтверждений полезна здесь как философская подсказка, а не как доказательство виновности. Проверка начинается с наших правил обращения с данными: одинаково ли учитываются подтверждение и возражение, сохраняется ли неудобная деталь, может ли новая информация изменить конкретный вывод? Иногда версия выдержит проверку. Иногда станет уже. Иногда распадётся на несколько объяснений. Ни один из этих исходов не требует заранее назвать человека обманщиком.

V. Смена ролей обнаруживает разные критерии

Один из способов проверить объяснение — мысленно поменять участников местами. Если такую же задержку допустил коллега, сочли бы мы её допустимой? Если такой довод привёл близкий человек, приняли бы его? Вопрос не доказывает правоту другой стороны. Он показывает, одинаковы ли критерии, которыми мы оцениваем сходные действия. Собственная внутренняя история обычно известна нам подробнее чужой, поэтому симметрия требует осторожности.

В условной паре один человек объясняет свою резкость усталостью, а резкость другого — неуважением. Возможно, ситуации действительно различаются. Но различие нужно назвать: что именно было иначе, какие слова сказаны, какая договорённость нарушена, что происходило до разговора? Если единственное основание звучит как «я знаю, что у меня была причина», тогда у другого тоже может быть неизвестная нам причина. Это ещё не делает резкость приемлемой, но ограничивает уверенность в чужом мотиве.

Смена ролей не должна стирать разницу власти. Начальник и подчинённый могут произнести одинаковые слова с разными последствиями. Человек, располагающий деньгами, и человек, зависящий от них, имеют разные возможности отказаться. Справедливое сравнение учитывает эту асимметрию. Равные критерии достоинства не всегда означают одинаковые требования к доступным действиям. Поэтому полезно сравнивать не только фразу, но полномочия, риск и цену решения.

В «Лунь юе», XVI.1, Конфуций критикует политическое оправдание, скрывающее желание. Это конкретный нравственно-политический контекст, а не универсальная инструкция подозревать каждого. Сопоставление с сегодняшним разговором ограничено вопросом: можно ли назвать желание прямо, не маскируя его безличной необходимостью? То, что мы чего-то хотим, не отменяет обсуждения допустимости и цены.

Иногда честное желание звучит проще всей системы доводов: «Я хочу оставить это решение за собой», «мне неприятно уступить», «я не готов тратить на это деньги». После такой фразы разговор только начинается. Другой может не согласиться, могут существовать обязанности и договорённости. Но участникам хотя бы известно, что обсуждать. Рационализация труднее для переговоров, когда личное предпочтение постоянно изображается единственным объективно возможным порядком вещей.

VI. Проверять себя без обвинительного допроса

Самопроверка становится бесплодной, если её цель — окончательно разоблачить себя. Человек ищет самый тёмный мотив, отвергает все добрые объяснения как прикрытие и перестаёт доверять собственным решениям. Это тоже односторонний отбор: только теперь удобным оказывается обвинительный ответ. Неприятное ощущение глубины может сопровождать неточную версию так же, как приятное облегчение сопровождает оправдание.

Полезнее ограничить предмет. Не «в чём я всю жизнь себя обманывал», а «как я объяснил вчерашний отказ и что в этом объяснении проверено». Здесь можно разделить слова, события и догадки. Можно обнаружить одновременно усталость, раздражение, реальную нехватку времени и нежелание встречаться. Смешанный мотив не требует выбора одного чистого основания. Иногда человек говорит удобную часть правды и оставляет неудобную часть несказанной. Это отличается от полностью вымышленного объяснения.

Встреча с неудобным не обязана происходить публично. Можно сначала записать альтернативу для себя, обсудить её с доверенным человеком или проверить действие на небольшом участке. Но если объяснение уже затронуло другого, внутреннее понимание не всегда закрывает внешнюю работу. Возможно, потребуется исправить обещание, сообщить новую информацию, вернуть деньги или признать ошибку. Самопроверка имеет последствия, когда она действительно меняет решение, а не только образ честности.

Августин обращается к Богу, Бэкон — к дисциплине исследования, Кунда — к психологическим механизмам рассуждения. Эти источники не дают единого суда над человеком. Их различие помогает сохранить несколько вопросов: насколько достоверны сведения, как устроен выбор аргументов, в каком отношении мы хотим жить с другими? Редакционное соединение вопросов не превращает религиозное признание в научную методику и не делает научный обзор доказательством нравственной виновности.

Если самоанализ усиливает длительное тяжёлое страдание и превращается в нескончаемое повторение обвинений, статья не требует продолжать его любой ценой. Можно остановиться и искать поддержку в подходящем формате. Здесь не предлагается лечение и не устанавливается причина такого состояния. Право на паузу сохраняется. Иногда самый честный текущий итог — «я пока не могу спокойно это рассмотреть», с сохранённым вопросом и конкретными обязательствами, которые не исчезают от отсутствия внутренней ясности.

VII. Собеседник может помочь, но не знает нас насквозь

Другой человек способен заметить то, что мы пропускаем. Он помнит обещание, видит повторяющийся переход или обращает внимание на несовпадение слов с действиями. Однако его версия тоже имеет интересы, ограниченные сведения и возможные ошибки. Реплика «ты себя обманываешь» не становится истинной от уверенности или психологической терминологии. Она требует того же обращения с фактами, что и наше первоначальное объяснение.

В условном разговоре подруга замечает: «Ты говоришь, что проект неважен, но возвращаешься к нему каждый вечер». Это конкретное наблюдение, которое можно проверить и обсудить. Фраза «ты просто боишься успеха» добавляет причину, пока не установленную. Возможно, человек боится риска, жалеет потраченное время, испытывает интерес или занят обязательством. Хорошая помощь удерживает наблюдение и допускает несколько объяснений. Ей не нужно заранее победить во внутренней истории другого.

Ответ на наблюдение тоже может быть точным. «Да, я возвращаюсь; пока не знаю почему» не означает капитуляции. «Нет, последние три вечера я исправлял обещанный документ» добавляет сведения. «Я не хочу сейчас обсуждать это» устанавливает границу, но не опровергает наблюдение. Разные ответы имеют разные функции. Когда всякое несогласие объявляется новым подтверждением самообмана, разговор становится закрытой системой, где у человека больше нет допустимого ответа.

Выбирать собеседника полезно по способу разговора, а не только по близости. Умеет ли он спрашивать, сохранять неопределённость, слушать поправку, признавать собственную ошибку? Не использует ли откровенность позднее как оружие? Эти вопросы относятся к условиям самопроверки. Трудный разговор иногда требует профессиональной помощи, иногда достаточно внимательного человека, иногда разумнее сначала собрать факты. Единого обязательного формата здесь нет.

Сохранение автономии не означает, что любое объяснение одинаково хорошее. Если документ подтверждает одну дату, нельзя заменить её другой только потому, что первая неприятна. Если обещание дано, у другой стороны есть право обсуждать его нарушение. Но фактическая ответственность отличается от права объявить скрытый мотив окончательно известным. Совместная проверка может быть строгой к событиям и осторожной к объяснениям. Это сочетание помогает исправлять действительное, не создавая нового насилия именем истины.

VIII. Новая версия должна менять доступный выбор

Пересмотр объяснения полезен, когда уточняет действие или границу. Руководитель из начала статьи может увидеть, что команда ошиблась и что он сам поздно изменил задание. Эти части не отменяют друг друга. Теперь есть несколько направлений работы: исправить конкретный навык, изменить порядок постановки задач, пересмотреть срок или отказаться от неподходящего сотрудничества. Более точная версия расширяет выбор за счёт сведений, а не за счёт приятного самообраза.

Однако новая версия тоже может стать рационализацией. Человек научился говорить «я признаю свою часть» и произносит это без изменений в работе. Его признание получает социальную награду, но следующая ситуация повторяет прежнюю последовательность. Это не доказывает неискренности: изменение может быть трудным, возможностей может не хватать. Тем не менее слова о зрелости не заменяют наблюдения. Важно проверить, что теперь иначе в конкретных условиях.

Иногда разумный результат — оставить несколько конкурирующих объяснений. «Возможно, я отложил из-за усталости; возможно, из-за неприятного разговора; обе причины могут участвовать». Можно выбрать шаг, полезный при обеих версиях: восстановить силы и назначить ограниченное обсуждение. Для действия не всегда требуется окончательно определить внутреннюю причину. Но неизвестное следует оставить неизвестным, если оно ещё не проверено, а не закрывать наиболее красивой историей.

Проверка имеет предел. Нельзя бесконечно откладывать необходимое решение до полного знания себя. Можно определить достаточные сведения, допустимый риск и момент пересмотра. Это особенно важно, когда ожидание само причиняет ущерб. Удобная версия иногда говорит «сначала всё пойму», хотя каждый новый анализ лишь переносит действие. Проверять такое объяснение следует по той же схеме: какую неопределённость ещё действительно нужно закрыть и что уже можно сделать без неё?

Реакция на новую версию также не служит окончательным доказательством. Если человек раздражается, это может означать защиту, но также усталость, неточность чужого обвинения или неприятный способ разговора. Если сразу соглашается, это может означать узнавание, но также желание поскорее завершить давление. Поэтому итог нельзя оценивать по одной эмоции. Полезнее вернуться к содержанию через подходящее время: сохранились ли факты, можно ли назвать альтернативу, появился ли выбор, который раньше исключался? Иногда спокойное рассмотрение ещё впереди, а конкретное исправление уже возможно. Иногда уверенное согласие не сопровождается ни пониманием, ни работой. Эти различия требуют наблюдения последовательности, а не чтения реакции как прозрачного окна в скрытый мотив.

Вернёмся к разговору о проекте. Руководитель не обязан назвать себя плохим человеком. Ему нужно увидеть, какие правила его рассказа оставляли собственное участие невидимым, сохранить подтверждённое о команде и изменить следующий договор. Самообман ослабевает не потому, что мы нашли самое суровое объяснение. Более надёжная версия допускает неудобный факт, сохраняет масштаб ответственности и позволяет обновить выбор. Честность здесь похожа на рабочую способность возвращаться к сведениям, а не на однажды полученный сертификат внутренней прозрачности.

Что это значит на практике

Возьмите одно объяснение недавнего решения, которое готовы рассмотреть добровольно. Запишите его сильную форму: что оно объясняет, какие факты поддерживают его, чего вам хочется благодаря этой версии сохранить. Желание оставьте отдельной строкой. Оно может быть разумным и человечески понятным; упражнение не требует заранее его осудить.

Разделите запись на событие, возможную причину и вывод для будущего. Для каждого утверждения отметьте источник сведений: документ, собственное наблюдение, слова другого, воспоминание или догадка. Если вспоминаете чужой мотив, запишите, что это ваша версия. Не нужно создавать сложный протокол; достаточно не смешивать факт встречи с объяснением, почему она произошла.

Сформулируйте хотя бы одну альтернативу, которая объясняет существенную часть событий. Затем спросите, какое наблюдение изменило бы первоначальную версию и можно ли его получить без несогласованного риска или вторжения в чужие границы. Если изменить версию не может ничто, проверьте, не превратилась ли она в средство ограждения от любого ответа. Если версия выдерживает возражения, её можно сохранить с понятными пределами.

Мысленно поменяйте участников местами, сохраняя реальную разницу полномочий и условий. Оценили бы вы похожее действие по тем же правилам? Какие различия действительно имеют значение? При разговоре с другим начните с конкретного наблюдения, а не с объявления его скрытого мотива. Разрешите ему уточнить событие и не согласиться с интерпретацией.

Выберите одно последствие пересмотра: изменить обещание, уточнить задачу, исправить действие, собрать сведения или сохранить паузу с датой возвращения. Позднее оцените, что действительно изменилось. Упражнение не гарантирует облегчения, не заменяет профессиональной поддержки и не обязывает к публичному признанию. Его смысл — сделать объяснение доступным для обновления. Удобная

версия иногда остаётся верной; проверяемая версия становится полезнее независимо от того, насколько приятно её услышать.

Ключевая цитата

> *«Я хочу того-то».*

Конфуций, «Лунь юй», XVI.1, предложенная прямая речь, не желание Конфуция; перевод James Legge. Русский перевод редакционный. Проверяемое издание. Короткий фрагмент не приписывает Конфуцию желание автора статьи.

Связи между традициями

Сопоставление	Сходство	Различие
Бэкон ↔ Кунда	Предпочтение может влиять на выбор оснований	Философская критика познания и научный обзор различаются методом
Августин ↔ проверка рассказа о себе	Самознание имеет пределы	Христианская благодать не равна психологическому механизму
«Лунь юй» XVI.1 ↔ разговор о решении	Редакторский вопрос: какое решение нужно обсудить?	Политическая этика не устанавливает мотив бытового собеседника
Исследование ↔ ответственность	Неудобные сведения могут изменить действие	Истинность и нравственная оценка требуют разных оснований
Самопроверка ↔ диалог	Альтернативный взгляд расширяет доступные сведения	Другой человек не получает безошибочного доступа к нашим мотивам

Это редакционная карта ограниченных мотивов, без утверждения единства доктрин или доказанной эффективности упражнения.

Первоисточники

1. Ziva Kunda. The Case for Motivated Reasoning. Psychological Bulletin, 108(3), 1990, 480–498. DOI 10.1037/0033-2909.108.3.480. Прочитаны введение и различения на страницах 480–483; весь обзор и все цитируемые исследования не прочитаны.

2. Francis Bacon. Novum Organum, английское издание в Project Gutenberg #45988, 2014. Прочитаны I.46–49; английская редакция без названного на доступной странице переводчика. Цитата сверена именно с ней, полный трактат не прочитан.

3. Августин. Confessions, Book X, перевод J. G. Pilkington, Nicene and Post-Nicene Fathers, First Series, volume 1, 1887; New Advent. Прочитаны X.3–5 и отдельные фрагменты X.14, X.31. Религиозная позиция и самонаблюдение, не клиническая модель.

4. Конфуций. The Analects, James Legge, Project Gutenberg #3330, обновление 2021. Прочитан политический разговор XVI.1; историческая традиция, не эксперимент о рационализации.

Теги

самообман, рационализация, объяснение, мотивированное рассуждение, факт, версия, предпочтение, намерение, последствия, ответственность, самознание, Бэкон, Кунда, Августин, Конфуций, аргумент, проверка, критерий, альтернатива, неопределённость, диалог, достоинство, граница, выбор, обещание, ошибка, пересмотр, честность

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.